

JEL classification: N93, R10, R12
УДК 338(470+571)(091)
DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(2).181-206

Н.С. Епифанова

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

Пространственная организация экономики России в XVI в.

Аннотация. В статье исследуется пространственная организация экономической активности России во второй половине XVI в. За основу территориального деления на области, имеющие отличия от других областей организацию экономики в пространстве, берется деление, предложенное русским историком-экономистом Н.А. Рожковым. Для каждой такой области выделены отрасли специализации, определены общие факторы развития национальной экономики в XVI в., показано их влияние на пространственную организацию хозяйства. Проводится сравнение с экономико-историческим исследованием Й.Г. фон Тюнена, который в 1826 г. предложил теорию колец, или «поясов» пространственной специализации. Показано, что в России в XVI в. начали формироваться подобные кольца, что стало возможно за счет активного развития внутренней торговли и включения в нее крупных городов, которые стали центрами бурной торговой деятельности и крупными рынками сбыта сельскохозяйственной продукции. Это в свою очередь стало возможно за счет влияния четырех существенных факторов экономического развития России во второй половине XVI в.: 1) значительного развития внутренней торговли (появление «торговых книг»); 2) роста денежного оброка в сравнении с натуральным; 3) перевода натуральных государственных повинностей в денежные налоги; 4) изменения ценности денег. Изучение пространственной специализации региональ-

ной экономики второй половины XVI в. позволяет также увидеть, что в этот период истории наблюдается расселение населения из центра страны в более отдаленные регионы, а это, в свою очередь, способствует диверсификации национальной экономики, а также экономическому развитию как отдельных частей страны, так и страны в целом.

Ключевые слова. Пространственное развитие, региональная экономика, региональное неравенство, экономическая история России.

Информация о статье. Дата поступления 28 марта 2023 г.; дата принятия к печати 15 мая 2023 г.; дата онлайн-размещения 10 июля 2023 г.

N.S. Epifanova

*Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, the Russian Federation*

Spatial Organization of Russian Economy in the XVI Century

Abstract. This article examines the spatial organization of Russia's economic activity in the second half of the 16th century. The spatial division into regions, which differ from other regions in economic organization, is based on the division proposed by Russian historian and economist N.A. Rozhkov. For each such region the author singles out a branch of specialization, determines general factors of national economy development in the 16th century and shows their influence on spatial organization of economy. The author also compares them with economic and historical research of Johann Heinrich von Thünen, who in 1826 offered the theory of rings, or "belts" of spatial specialization. It is shown that such rings began to form in Russia in the 16th century, which became possible due to the active development of domestic trade and the inclusion of large cities in it, which became centers of vigorous trade activity and large markets for agricultural products. This in its turn was possible due to the influence of four essential factors of Russian economic development in the second half of the 16th century: 1) sig-

nificant development of domestic trade (introduction of "merchant trade records"); 2) growth of quitrent in comparison to metayage; 3) conversion of corvees into monetary taxes; 4) change in money value. The study of spatial specialization of regional economies in the second half of the 16th century shows that in this period of history there was a resettlement of population from the center of the country into more remote regions, which in its turn contributes to diversification of the national economy and economic development of separate parts of the country and the whole country.

Keywords. Spatial development, regional economy, regional inequality, economic history of Russia.

Article info. Received March 28, 2023; accepted May 15, 2023; available online July 10, 2023.

Введение

Изучение особенностей экономического развития Российского государства в разные периоды истории является важным, так как позволяет сформировать целостную картину исторической трансформации национальной экономической системы и понять направленность ее развития. Историография экономического развития России весьма обширна. Так, в работах В.О. Ключевского, Н.А. Рожкова, Н.Л. Рубинштейна и др. авторов рассматриваются различные аспекты социально-экономической истории России: исследуется роль городов, развитие ремесленного производства, торговли и товарно-денежных отношений, отдельных сфер экономической жизни общества. Однако, особенности пространственной организации экономики в этих исследованиях представлены фрагментарно и требуют систематизации.

Одной из характеристик современной российской экономики являются межрегиональные различия, уходящие корнями в далекое прошлое. Их наличие во многом было обусловлено пространственной организацией хозяйства. Поэтому целью данной статьи является определение основных особенностей пространственной

организации экономики России в XVI в., на который в экономической истории России пришелся переход к товарному хозяйству с обширным национальным рынком. Это столетие представляется той вехой в русской истории, которая во многом предопределила формирование современной экономической системы России.

Территориальные различия

Пространственная организация экономики в России во второй половине XVI в. испытывала на себе существенное влияние роста производительных сил и расширения рыночных связей, проникновения в экономическую жизнь товарно-денежных отношений, а также политического объединения страны и ее геополитической экспансии. Существенную роль сыграл и выход Руси на Нижнее Поволжье, а также к Уралу и в Западную Сибирь [1, с. 359].

В конце XVI в. Московская Русь занимала уже существенную часть обширной Восточно-Европейской равнины. На северо-западе у океана и верховьев реки Печенги граница государства шла по направлению к югу, приблизительно совпадая с западными границами современных территорий Архангельской области и Республики Карелия, затем на широте северной границы Онежского озера поворачивала к юго-западу, отделяя северо-восточную часть нынешней Ленинградской области и все западное побережье Ладожского озера. Далее к югу пределы Московского государства шли по территории нынешних Псковской и Смоленской областей.

Меньшей определенностью отличались южные границы, неустойчивые, постоянно меняющиеся (в направлении расширения). В конце XVI в. в Московскую Русь входили Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Царев-Борисов, Валуйки [2, с. 28]. Не только Поволжье принадлежало Московскому государству, но и южнее уже был выставлен передовой пост на реке Терек. На востоке территория государ-

ства, вследствие завоевания Ермака, простиралась за Уральские горы, и границы ее подвергались еще большим изменениям, чем на юге.

Территория страны сохраняла свое природно-климатическое и ландшафтное разнообразие. Принимая во внимание главные особенности различных местностей, Московскую Русь второй половины XVI в. принято делить на следующие естественные области: 1) Север, южную границу которого составляет водораздел между реками Северного океана и системой Волги и Камы; на юго-западе граница его примыкает к Финскому заливу, в этой области расположены в основном поморские города (считая в том числе и Вологду, которая исторически собственно причислялась к замосковным городам, но географически являлась поморским городом) и почти вся Обонежская пятина Великого Новгорода вместе с северной частью Вотской пятины. 2) Новгородско-Псковский край, т.е. старинные города так называемой «немецкой украины», включая Белоозеро и четыре новгородские пятины, за исключением Обонежской: Вотскую (кроме ее северной части); Шелонскую, Деревскую и Бежецкую. 3) Приднепровье (северские, украинные, польские и заоцкие земли); 4) Степь: северная граница — 55-я параллель. 5) Прикамье (местность на Каме с ее притоками Вяткой, Чусовой и Белой). 6) Центральная область: область между всеми вышеперечисленными пятью областями — древние замосковские города [3, с. 41–42].

Данное деление предложено русским историком Н.А. Рожковым с точки зрения рельефа местности [там же, с. 42]. По Русской равнине тянутся две гряды возвышенностей — с севера на юг. Первая из них — среднерусская — идет от Валдайских гор до Донского края, по водоразделу между системами Днепра, с одной стороны, и Волги и Дона — с другой стороны. Она служит выраженной естественной границей, отделяющей Новгородско-Псковский край и Придне-

провье от Центральной и Степной областей. Вторая гряда состоит из приволжских возвышенностей, которые направляются по правому берегу Волги от Нижнего Новгорода. Северная часть этой гряды отделяет Центральную часть от Прикамья. С запада на восток идет только одна возвышенность и то незначительная, она составляет водораздел между Волгой и реками Северного океана и Белого моря и, следовательно, разграничивает Север с Новгородско-Псковским краем, Центральной областью и Прикамьем.

Такое распределение возвышенностей открывает всю территорию страны действию северных ветров и тем значительно смягчает климатические различия между отдельными областями. Эти различия, однако, существуют и, прежде всего, сказываются в направлении ветров. Тогда как на 55-й параллели господствуют западные ветры зимою и летом с незначительной разницей в направлении, местность к северу от этой линии отличается преобладанием юго-восточных ветров зимою и северо-западных летом. Это одно из оснований разграничения Центральной области и Новгородско-Псковского края, с одной стороны, и Поволжья и Степи, с другой. Важную особенность в отношении направления ветра представляет Север: под влиянием моря здесь преобладают северные ветры.

Также в основе рассматриваемого деления Московской Руси лежат климатические и почвенные различия. При этом Н.А. Рожков отмечал, что территориальное распределение населения было несколько парадоксальным: в местностях с худшими климатическими условиями проживало больше населения, а из областей с более благоприятными климатическими условиями наблюдался его отток. Исключение составляли лишь южные районы Степи и Прикамья, где наблюдался постоянный приток населения [4]. Многие исследователи указывают на запустение Центра и Новгородско-Псковской области во второй половине

XVI в., в том числе вследствие Ливонской войны [1; 3; 5]. Начало 70-х гг. XVI в. — исходный хронологический пункт запустения большей части уездов Московского Центра. Наблюдалось ярко выраженное бегство крестьян из Центральной области (от 76 до 96 % всего числа поселений) [3, с. 44]. В 1575 г. по дороге от Пернова в Новгород (Шелонская пятина) все деревни были разорены [6, с. 13]. Население уходило не только на юг и в Поволжье, но и в районы сурового севера, т.е. руководствовалось не стремлением найти лучшие климатические условия. Главной причиной этого стало состояние, характеризующееся исследователями как экономический кризис в Московской Руси XVI в. В Псковской и Новгородской областях пустоши составляли не менее 85 % всех поселений [3, с. 45]. При этом, однако, относительно быстро заселялась степная часть, в которой строились новые города, возводились монастыри, активно осуществлявшие колонизацию [5, с. 48].

По оценкам А.В. Дулова, в период с 1100 г. по 1800 г. на отрезок времени 1350–1500 гг. приходится наибольшее число колебаний климата, результатом которых стали засухи, бури, суровые и снежные зимы. Особенно неблагоприятные погодные явления наблюдались в центральной части России. Так, например, в 1484 и 1485 гг. в Псковской земле и на близлежащих территориях был зафиксирован неурожай, который привел к максимальному скачку цены на хлеб в 1499 г. [7, с. 17]. С высокой долей вероятности, климатические катаклизмы, вызывавшие неурожай и голод, также сыграли существенную роль в переселении людей из центральных частей страны в более отделенные от центра регионы.

Отраслевое развитие и отраслевая специализация территорий

На XVI в. приходится существенный подъем горнодобывающей отрасли экономики, а также начинают активно развиваться геология, различные способы хи-

мической переработки сырья [8, с. 106]. Так как в этот период происходит качественное изменение в использовании природных ресурсов, а, кроме того, меняются природные условия хозяйственной деятельности¹, то это сказывается и на территориальном размещении добывающей промышленности. Прежде всего, на это размещение оказывают влияние такие факторы как: 1) увеличение запасов и разновидностей полезных ископаемых за счет расширения границ государства; 2) возрастающая потребность производств в новых видах полезных ископаемых за счет развития средств производств и ремесленных отраслей; 3) ряд «старых» месторождений ко второй половине XVI в. оказались в значительной степени выработанными. Естественная «привязка» центров добывающей промышленности к местоположению природных ресурсов приводила к существенным изменениям в ее территориальном размещении, которое характеризовалось рассредоточенностью практически по всей территории страны [там же, с. 88–95]. В то время как обрабатывающая промышленность, наоборот, концентрировалась на территориях с наибольшей плотностью населения и в городах.

Россия в XVI в. была страной, в которой господствовало земледелие, доминировавшее над другими отраслями экономики [9, с. 202]. Но степень преобладания

¹ Так, А.В. Дулов, кроме изменения климатических условий, в разных главах своей монографии указывает и на такие факторы как повышение индекса засушливости в одни годы и увеличение частоты длительных обильных дождей и заморозков в другие годы XVI в. Также историк упоминает и об обратном влиянии хозяйственной деятельности человека на природную среду — изменении животного мира и поредении лесов за счет роста общей численности населения в пределах Русской равнины, снижении плодородия почв в местах интенсивного их освоения и т.п. Кроме того многие исторические свидетельства указывают на то, что усиление связей русских городов с Западной Европой в XVI в. способствовало более частому возникновению эпидемий опасных инфекций (чумы, оспы, сыпного тифа, малярии, различных детских инфекций), что также сопровождалось эпизоотией и оказывало влияние на природную среду, в частности, на животный мир [8].

земледелия не была одинаковой на всем пространстве страны. Были территории, хотя и уступавшие первенство земледелию, но имевшие развитое скотоводство. Это, прежде всего, северо-западная, северная и восточная окраины Центра². Еще более значимым скотоводство было на большей части территории Новгородско-Псковского края: сенокосные угодья, по писцовым книгам, здесь имелись в большем количестве, чем это было необходимо для чисто земледельческого хозяйства. Также много было оброчных пожень — логовой земли, арендуемой у царя разными лицами, собиравшими ежегодно десятки тысяч копен сена [3, с. 49]. Известно также, что псковские монастыри держали на своих скотных дворах десятки и сотни голов разного скота.

Характерно, что не только на Севере, но и на всей территории Степи во второй половине XVI в. скотоводство фактически не развивается. В Степи этому мешали внешние условия — опасности, исходившие от татар, и недавнее заселение области. На Севере доминирующее влияние оказывали естественные обстоятельства, главным, образом суровый климат. Кроме того, в этих областях, но также и ближе к окраинам государства — к южной и северной, — сокращалось земледелие, отсутствовало скотоводство, уступая место

² Указанные факты подтверждаются исследованиями, посвященными динамике соотношения скотоводства и растениеводства. Так, например, по данным исследования А.И. Воейкова, развитие скотоводства темпами, опережающими растениеводство, происходит в XVI в. в долинах северных рек [10, с. 12]. Несмотря на то, что климат северо-западной, северной и восточной окраин Центра характеризовался относительно низкими температурами для успешного ведения сельскохозяйственной деятельности, тем не менее, сочетание длинных и нежарких дней в летний период с особым характером минерализации северных рек приводили к развитию зеленых частей растений с очень высокими питательными свойствами для рогатого скота [там же, с. 13]. По другим исследованиям, крупный рогатый скот, выращенный в районах северных рек России XVI в. (Двина, Печора, Мезень, Онега), по среднему живому весу превышал в 2,6 раза аналогичный показатель для новгородских быков [8, с. 71].

добывающей (промысловой) промышленности — охоте, рыболовству, пчеловодству, солеварению [9, с. 208].

Если не считать пустынного северо-востока, почти всего бассейна Печоры, то ни земледелия, ни скотоводства не было на Мурманском берегу и в северо-восточной части берега Терского: там были лишь рыбные, звериные и бобровые ловли, а также соляные варницы [3, с. 50]. Совсем не было земледелия и малозначимым было скотоводство на Соловецких островах, на всей остальной части Терского берега Белого моря и в северо-западной части Поморского берега: рыбная ловля, солеварение, добыча жемчуга — главные отрасли специализации экономики этих регионов в XVI в.

Большая часть населения Московской Руси XVI в., как и в предыдущие века, удовлетворяло свои потребности в разного рода промышленных изделиях (в орудиях труда, утвари, одежде и пр.) собственным трудом, не прибегая к покупке и продаже: крестьяне сами строили себе избы и хозяйственные постройки, мастерили земледельческие орудия, делали мебель и посуду, женщины изготавливали грубый холст, посконь и крашенину, делали сермяжное сукно [11, с. 72]. Но, как и прежде, дело не ограничивалось этим: существовали не только ремесло и кустарничество, но и товарно-кустарное производство, ориентированное на обширный рынок.

Более крупная ремесленная промышленность существовала в крупных городах. Так, в Устюжне конца XVI в., общее число ремесленных дворов доходило до 236, причем первенствующее положение принадлежало железоделательному производству [3, с. 52]. Большое количество ремесленников было в Пскове, Коломне, Можайске, Серпухове, Казани, Свияжске и Туле. Исследователи отмечают, что имеются лишь отрывочные, частичные, случайно сохранившиеся описания городов, многое утрачено, но есть серьезные основания полагать, что такие города, как Нижний Нов-

город, Рязань, Ярославль, Вологда и многие другие, ничем не уступали вышеперечисленным городам, а возможно даже и превосходили их [1–3; 9].

Во второй половине XVI в. ускоренное развитие промышленности присуще было городской экономике Москвы. По мнению Н. Рубинштейна, если бы в XVI в. Москва не была богата ремесленным населением, она не могла бы быть и в XVII в. столь крупным центром различных производств [1, с. 336]. Есть, впрочем, некоторые факты в этом отношении, относящиеся и к XVI в.: известно, что в то время в Москве, как и в Костроме и Ярославле, много занимались переработкой кож, что там выделяли восковые свечи, были кирпичные заводы и мельницы, повсеместно было распространено ткачество.

Обобщая изложенное, отметим, что обрабатывающая промышленность в Московской Руси второй половины XVI в. хотя и сохраняла второстепенное значение, несомненно росла и развивалась. К этому выводу важно еще добавить, что указанный период — время появления на Руси первых мануфактур: именно тогда происходит ряд попыток мануфактурного производства писчей бумаги, основываются «бумажные мельницы»; как бы они ни были неудачны и непрочны, начало новым формам промышленного производства было положено.

Таким образом, во второй половине XVI в. происходят важные перемены в отраслевом развитии, которые, однако, в сравнении с таким фактором как развитие торговли, оказывали меньшее воздействие на основы экономической жизни общества и были менее глубокими. Действительный перелом, более решительные изменения в ход экономического развития того периода внесли внутренняя и внешняя торговля. В сфере торговли не только наметились отдельные структурные изменения, но ясно обозначилась ключевая тенденция: рост торговли достиг таких пределов, когда стало рушиться натуральное хозяйство и

зарождаться, а затем делать первые шаги в своем развитии, денежное хозяйство, основанное на товарном обращении. Это крупнейшая экономическая переменная и самая главная хозяйственная инновация периода второй половины XVI в. [1, с. 355].

Усиление торговых связей

С падением новгородской вольности торговое значение Новгорода, и без того начинавшее уменьшаться в XVI в., сильно пошатнулось. Но гораздо чувствительнее был удар, нанесенный этому торговому центру во второй половине столетия; в это время на отдаленном беломорском севере завязались торговые и политические сношения с народом, экономическая мощь которого стала разворачиваться параллельно падению силы городов Ганзейского союза, этих важнейших торговых контрагентов новгородцев: в 1553 г. капитан английского корабля, случайно занесенного бурей в Белое море, Ричард Ченслер, высадившись на русском берегу, приехал в Москву, был хорошо принят Иваном Грозным и заключил торговый договор между Англией и Московским государством [7, с. 2]. В Англии образовалась Московская компания для торговли с Россией, получившая важные привилегии. И падение Новгорода и Ганзы, и появление северных русских центров внешней торговли, и коммерческая мощь Англии — явления одного исторического смысла и порядка: они означали гибель «муниципального феодализма» (Н.А. Рожков) и его экономических основ и переход к товарному хозяйству в мировом масштабе, к торговому капитализму³. Рост внешней торговли России с Англией оставил яркие следы в известиях англичан, посещавших Московское государство второй половины

³ Ошибочно было бы, однако, думать, что Новгород и Псков потеряли совсем значение во внешней торговле. Оба эти города продолжали вести, например, обширную торговлю сельскохозяйственными продуктами (лен, кожа, конопля, сало).

XVI в., — Ченслера, Климента Адамса, Дженкинсона, Флетчера. Дженкинсону принадлежит открытие волжского пути для торговых сношений Англии с Персией, главным образом для операций с персидским шелком [7, с. 68]. По свидетельствам австрийского дипломата Николая Варкоча, посетившего Москву в 1593 г., туда, кроме англичан, голландцев и других западноевропейских купцов, приезжали купцы из различных регионов Западной и Юго-Западной Азии [12, с. 159].

С XVI в. появляются так называемые «торговые книги», предназначавшиеся для информирования участников внешней торговли и заменявшие до известной степени биржевые бюллетени о ценах на разные товары, обращающиеся на международном рынке [3, с. 53]. Торговые книги стали впоследствии богатейшим источником исторической информации, которые содержат данные о ценах на различные экспортные товары, предлагавшиеся русскими экспортерами на внешнем рынке [13, с. 24]. Кроме того, торговые книги содержали сведения о стоимости провоза товаров до Архангельска и о цене продажи тех же предлагаемых товаров (для возможности сопоставления внутренних и внешних рыночных цен) в странах Западной Европы. Все эти данные были необходимы для богатых русских капиталистов-скупщиков, закупавших эти товары в большом количестве в Москве и доставлявших их к Белому морю для сбыта за границу. Главными предметами русского экспорта тогда были гречиха, лен и конопля, а также продукты скотоводства — кожа, масло, сало, соленое мясо, свинина, щетина, шерсть, продукты добывающей промышленности — меха, лес, мед, воск, реже полусырье и еще реже промышленные изделия типа канатов, деревянной мебели, посуды и т.п. Экспорт этих товарных позиций обеспечивался территориями, на которые переместились сельскохозяйственные производства вследствие изменения указанной выше пространственной специализации.

Резкое сокращение натурального хозяйства также произошло под влиянием внутренней торговли [1, с. 335]. Рост внутренней торговли в свою очередь был обусловлен ростом обрабатывающей промышленности: обрабатывающая промышленность работала на рынок и в свою очередь нуждалась в продуктах сельского хозяйства и добывающей промышленности. Значительную роль здесь сыграло такое размещение производства, которое представляло собой скопление в одном месте целых групп ремесленников и кустарей одной определенной специализации. Такие сплошные поселения специалистов в одной отрасли кустарного производства могли существовать, очевидно, лишь в том случае, если был обширный сбыт, организуемый особыми посредниками (скупщиками). Торговые книги являются характерными свидетельствами о посреднической деятельности последних.

Факторы развития товарно-денежного хозяйства в условиях территориальных различий

Значительный рост интенсивности внутренних торговых связей в Московском государстве второй половины XVI в., который подтвержден различными свидетельствами того времени, является лишь *первым из факторов*, обусловивших важную перемену в хозяйстве Московской Руси — развития в нем товарно-денежных отношений [там же]. *Второй фактор* обнаруживает себя в меняющемся характере владельческого оброка с крестьян [3, с. 58]. В рассматриваемый период исследователи отмечают рост денежного оброка в сравнении с натуральным. Так, одним из выводов в исследовании В.И. Иванова, которое опирается на анализ вотчинных хозяйственных книг за период с 1574 по 1600 г. является то, что в большинстве случаев оброк указан в последних в денежном выражении [14, с. 26].

Конечно, это соотношение наблюдалось не повсеместно. Но, тем не менее, понятно, что денежный

оброк был бы неосуществим и даже немыслим, если бы не зародилось и не стало распространяться денежное хозяйство на территории всей страны, так как без торгового оборота продуктов деревенского хозяйства крестьяне не были бы в состоянии приобрести необходимую для уплаты оброка денежную массу.

Исторических свидетельств, в которых приводится стоимость оброка в деньгах или в зерне до XVII в., не так много. Однако для установления реального бремени оброка для крестьян С.А. Нефедов, например, предлагает исследовать уровень цен на зерно, а затем определить, сколько хлеба должен продать крестьянин для выплаты оброка [15]. Соответственно, соотношение между денежным и натуральным obroком определяется в пользу первого с помощью вывода о возрастании интенсивности торговли хлебом. Увеличение цен на хлеб, возросший спрос на него из-за региональных диспропорций в условиях производства хлеба и появление межрегиональных торговых взаимосвязей — все эти обстоятельства свидетельствуют о появлении значительных экономических стимулов у крестьян продать хлеб и выплатить оброк деньгами.

Динамика уровня цен на хлеб для XVI в. представлена на рис. 1. Как видно из представленных данных (полученных А.Г. Маньковым), за указанное столетие цены на хлеб выросли в 4–4,5 раза. Это противоречит данным В.О. Ключевского о неизменности уровня цен на хлеб в течение XVI в. [16, с. 93–112], но совпадает с мнением Н.А. Рожкова, который подтверждает рост цен на хлеб в указанный период, но в 3,76 раза, т.е. в меньшей степени [3, с. 52]. В пользу того, что расчеты А.Г. Манькова более точны выступает два обстоятельства: 1) эти расчеты сделаны на основе более современных подходов к оценке уровня цен и автором обобщен огромный массив архивных данных (только приходно-расходных книг различных монастырей использовано 243), применены расчеты индивидуаль-

ного и группового индекса [17]⁴; 2) аналогичные процессы роста цен, прежде всего, на хлеб, происходили в XVI в. и в Западной Европе (это явление в истории европейской экономики даже получило название «революция цен») [там же, с. 6].

Рис. 1. Динамика среднего индекса хлебных цен в России в XVI в., базисный период – 1594–1600 гг., %

Источник: [17, с. 40].

Еще одним аргументом, свидетельствующим об увеличении денежного оброка по сравнению с натуральным, является динамика оплаты труда в реальном выражении в течение XVI в. Так, на основе данных вотчинных хозяйственных книг XVI в. С.А. Нефедов делает вывод о том, что в 1576 г. по сравнению с началом века происходит увеличение дневной заработной платы в 2,5 раза [15, с. 67]. Связано это с тем, что происходила миграция населения в менее заселенные территории страны. Запустение Центра и Новгородско-Псковской области, о котором было упомянуто выше, происходило в том числе и

⁴ Работа А.Г. Манькова на сегодняшний день остается единственным исследованием цен и их динамики в XVI в. в экономике России.

потому, что крестьяне переезжали на другие земли в поисках лучших условий. В итоге в центральных районах страны резко сократилась величина тяглого надела и возросла частота случаев аренды по пониженным оборочным ставкам [15, с. 70]. Нередкими становятся случаи, когда крестьяне распахивают заброшенные земли и вообще ничего не платят. В Бежецкой пятине, например, обследование земель показало, что безоброчных пашен было в 1,3 раза больше, чем тяглых [18, с. 16]⁵.

Третьим фактором перехода к товарно-денежному хозяйству стал переход от натуральных государственных повинностей к денежным налогам, ясно обозначившийся с середины XVI в. [3, с. 59]. Факт такой серьезной перемены в финансовой системе не подлежит сомнению и хорошо обоснован в литературе по истории русского государства. Однако, динамика налогов в течение XVI в. была схожей с динамикой оброка: размеры налоговых поступлений существенно сократились во второй половине столетия по сравнению с первой (рис. 2). При этом в структуре оброка, как отмечалось выше, увеличилась его денежная часть.

И, наконец, *четвертый фактор*, — изменение ценности денег. Оживленное товарное обращение, проникающее в народные массы, всегда способствует росту количества денег в стране, а с увеличением количества денег их ценность обычно уменьшается. Изучение стоимости русского рубля того времени по хлебным ценам приводит к убеждению в неуклонном

⁵ С.А. Нефедов рассчитывает динамику налогового бремени крестьян XVI в. и указывает на то, что общее бремя для крестьян к концу века уменьшилось в 10-16 раз по сравнению с его началом. Анализируя значительное сокращение доходной части государственного бюджета, он отмечает, что слабость государственной власти привела к значительному уклонению от налогов, а также к тому, что выявление безоброчных пашен не проводилось на должном уровне [15].

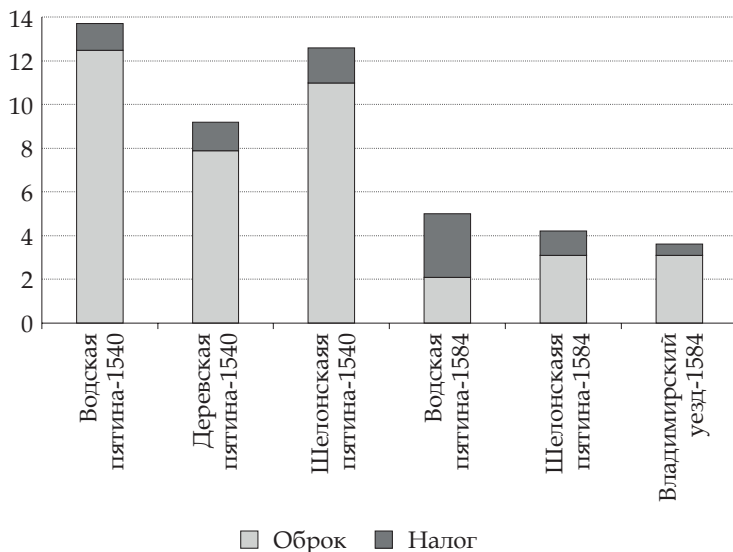

Рис. 2. Соотношение между оброком и налогом в сопоставимых величинах (пуд.) в 1540 и 1584 гг. по отдельным территориям*

Примечание:

* Сопоставимость достигнута на основе перевода выплачиваемых величин в пуды хлеба на основе данных о ценах на рожь и овес.

Источник: рассчитано автором на основе данных исследования [17].

и быстром ее понижении: так в конце XV в. и в начале XVI в. рубль стоил приблизительно 100 р. на те деньги, которые были в обращении в начале XX в. (до Первой мировой войны), затем в 30–40-х гг. XVI в. их стоимость понизилась до 75 р., а во второй половине XVI в. — до 25 р. [3, с. 60]. Такое быстрое снижение стоимости денег подчеркивает совершившийся в значительных масштабах переход к товарно-денежному хозяйству.

Закономерности распределения экономической активности в пространстве

Процесс пространственного распределения экономической активности во второй половине XVI в.

происходил примерно так, как описывал Й.Г. фон Тюнен в своей работе «Изолированное государство», в которой он показывает принципы функционирования сельскохозяйственного рынка и механизм образования земельной ренты на примере Германии [19]. В модели Тюнена сельскохозяйственная активность располагается в виде поясов («колец Тюнена»), которые характеризуются различной специализацией и активностью сельскохозяйственного производства, вокруг центра рыночной активности, территория которого является рынком сбыта этой сельскохозяйственной продукции. В пользу этого свидетельствует тот факт, что Н.А. Рожков в своих работах ссылается на наличие исторических доказательств того, что отдельные рынки в России XVI в. захватывали обширные пространства в 200, 300, 500 верст в радиусе, что также подтверждает тот факт, что в этот период Россия стала страной денежного хозяйства, рассчитанного на обширный сбыт продуктов [3, с. 68], а распределение экономической активности начинает формироваться вокруг рыночных центров в форме колец или поясов. Также в большинстве случаев хлебные цены в одно и то же время в разных местностях различались несущественно, что указывает на живую экономическую связь между различными местностями.

Попытки эмпирически проверить теорию Тюнена не всегда приводили к получению картины «правильных колец» Тюнена, иногда они распространялись на страну в целом или даже на часть континента [20]. Однако, ключевой вывод из теории Тюнена о том, что через механизм превышения ренты над транспортными издержками образуются своего рода круги, указывающие какой продукт на точках этих окружностей будет доминирующим, позволяет на основе выше проведенного анализа основных факторов формирования товарного рынка в России XVI в. заключить, что в российской экономике уже тогда сложились специфические

факторы институционального и природного характера, которые повлияли на размер ренты землевладельцев, размещение отдельных отраслей сельского хозяйства в пространстве и специализацию отдельных территорий России, т.е. формирование товарного рынка являлось предпосылкой для такой пространственной специализации в российской экономике, которая концептуально соответствует модели Тюнена.

Точно так же, как предсказывает модель Тюнена, в пространственной организации сельскохозяйственных производств Руси второй половины XVI в. происходит такое перераспределение экономической активности, при которой по мере удаления от рыночных центров (городов) снижается интенсивность землепользования, что связано с распределением транспортных затрат по подотраслям сельского хозяйства, которые возрастают по мере удаления от центра сбыта. Как мы уже убедились, скотоводство и менее землеинтенсивные сельскохозяйственные производства оказались в наибольшем удалении от центров сбыта сельскохозяйственной продукции. Однако, в экономике Руси во второй половине XVI в. эти закономерности только начали формироваться. Для поиска дальнейшего соответствия пространственного распределения экономической активности в экономике России нужны дополнительные исследования в более поздние периоды экономического развития страны.

На наш взгляд, важным фактором формирования «поясов» Тюнена в экономическом пространстве России во второй половине XVI в. стало то, что к концу XV в. русские крестьяне фактически перешли к трехполью, которое стало господствующим во всех районах Севера, Новгородско-Псковского края и Прикамья [21, с. 431]. При этом, в слабозаселенных и вновь осваиваемых районах определенное значение на протяжении еще трех столетий после XVI в. сохраняли переложная и подсечно-огневая системы обработки почвы [8,

с. 61]. Применение трехполья невозможно без развития животноводства, которое играет вспомогательную роль в этой системе, так как для парового поля активно использовался навоз в качестве удобрения. Поэтому появление трехпольной системы севооборота приводит к формированию следующего за ним «пояса», на которых расположены пастбища, а затем животноводство [19]. Тюнен в своей работе «Изолированное государство» приводит расчеты, которые доказывают, что несмотря на то, что шестипольные системы более прогрессивны и технологичны, чем трехпольные, тем не менее, их применение в тех странах, где зерновые стоят относительно дешевле, приводит к убыточности производства. В России в XVI в. хлеб стоил относительно дешевле, чем в Европе [17, с. 42], поэтому переход к трехпольному хозяйству в рамках рассуждений Тюнена является наиболее экономически выгодным способом его организации, территориальное распространение которого является фактором формирования «поясов» Тюнена.

В действительности обилие рек, равнинность страны и продолжительность залегания снежного покрова стали предпосылками, которые способствовали формированию национального рынка. Из-за природных условий на территории Московской Руси появилась потребность для строительства экономически выгодных путей сообщения, наличие которых позволяло преодолеть последствия межтерриториальных диспропорций и хозяйственной изолированности отдельных территорий: так, зимой, по английским известиям, товары могли быть доставлены на большие расстояния от Архангельска до Москвы за какие-нибудь 14 дней [3, с. 56].

Пространственная специализация экономики России в XVI в. характеризовалась, таким образом, следующими особенностями экономического развития: на севере продолжала, хоть и в меньшей, чем ранее, сте-

пени, господствовать добывающая промышленность, также было и на крайнем юге. В области Пскова и Новгорода обе главные отрасли сельского хозяйства — скотоводство и земледелие — сохраняли приблизительно равновесие, причем сельскохозяйственная промышленность, взятая в целом, господствовала над другими отраслями производства, а в Центре, Степи, Прикамском крае и Приднепровье, особенно в Центре, преобладало земледелие. Самой главной особенностью экономического развития второй половины XVI в. стал переход к товарно-денежному хозяйству с обширным рынком.

Список использованной литературы

1. Рубинштейн Н. История СССР до конца 18 в. / Н. Рубинштейн // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. — Москва: Советская энциклопедия, 1947. — Т.: Союз Советских Социалистических Республик / под ред. С.И. Вавилова [и др.]. — С. 287-470.
2. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории: (краткий очерк экономической истории России). / Н.А. Рожков. — 7-е изд. — Петроград: Изд-во О.В. Богдановой, 1923. — 155 с.
3. Рожков Н.А. Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI века / Н.А. Рожков // Дела и дни: ист. журнал. — 1920. — Кн. 1. — С. 40-79.
4. Сарапулов А.Н. О Южнорусском следе в возникновении пашенной формы обработки земли на территории Пермского Предуралья (по археологическим данным) / А.Н. Сарапулов. — DOI 10.24411/2309-4370-2019-13212. — EDN LRHHOD // Самарский научный вестник. — 2019. — Т. 8, № 3 (28). — С. 184-188.
5. Харитонов А.М. О географии взаимодействия центра и регионов в Древней Руси / А.М. Харитонов. — EDN YZXKLZ // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. научн. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 15 февр. 2019 г. — Санкт-Петербург, 2019. — Вып. 10. — С. 41-44.
6. Ульфельд Я. Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке: пер. с лат. / Я. Ульфельд; пер. и предисл. Е. Барсова. — Москва, 1889. — III, 61 с.

7. Середонин С.М. Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус): [репринт 1884 г.]. — Москва: ЁЁ Медиа, 2012. — 112 с.

8. Дулов А.В. Географическая среда и история России, конец XV–XIX в. / А.В. Дулов. — Москва: Наука, 1983. — 255 с.

9. Обществоведение: сб. статей / под ред. Н.Г. Тарасова. — Изд. 2-е, испр. — Ленинград: Сеятель, 1925. — Т. 2: Формы организации труда и общества в Европе в эпоху преобладания натурального хозяйства и развития средиземноморской торговли / сост. Н.П. Грацианский, Е.А. Мороховец, Н.Г. Тарасов. — 280 с.

10. Воейков А.И. Земельные улучшения и их соотношение с климатом и другими естественными условиями / А.И. Воейков. — [Санкт-Петербург]: тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. — 27 с.

11. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси / Б.А. Рыбаков. — Москва: Академический проект, 2016. — 720 с.

12. Варкоч Н. Описание путешествия в Москву, посла римского императора, Николая Варкоча, с 22 июля 1593 года / Н. Варкоч // Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете / под ред. А.Н. Попова. — Москва, 1874. — Кн. 4. — С. 147–197.

13. Тищенко А.В. Торговые книги как исторический источник / А.В. Тищенко // А.В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. — Петроград, 1916. — С. 17–42.

14. Иванов В.И. Крестьяне-порядчики русской северо-западной деревни XVI века / В.И. Иванов. — EDN XWFGDB // Северо-Запад в аграрной истории России. — 2018. — № 24. — С. 18–38.

15. Нефёдов С.А. История России. Факторный анализ / С.А. Нефёдов. — Москва: Территория будущего, 2010. — Т. 2: От окончания Смуты до Февральской революции. — 688 с.

16. Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. — Москва: Академический проект, 2015. — [Т. 2]: От эпохи Ивана Грозного до Петра Великого. — 525 с.

17. Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века / А.Г. Маньков. — Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. — 274 с.

18. Ротчева Д.С. Землевладельцы в Тверской половине Бежецкой пятины во второй половине XV века / Д.С. Ротчева. — EDN TDHMQK // Актуальные исследования. — 2021. — № 28 (55). — С. 13–21.

19. Тюнен И.Г. Изолированное государство / И.Г. Тюнен. — Москва: Экономическая жизнь, 1926. — XII, 326 с.

20. Юшин И.В. «Кольца и градиенты»: к теории пространственной организации сельскохозяйственного производства / И.В. Юшин. — EDN ХАУWWX // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2016. — № 1. — С. 58–65.

21. Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. / Г. Е. Кочин. — Москва: Наука, 1965. — 462 с.

References

1. Rubinshtein N. History of the USSR to the end of the 18th century. In Shmidt O.Yu. (ed.). *The Great Soviet Encyclopedia. Union Of Soviet Socialist Republics*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1947, pp. 287–470. (In Russian).

2. Rozhkov N.A. *City and Village in Russian History*. 7th ed. Petrograd, O.V. Bogdanova Publ., 1923. 155 p.

3. Rozhkov N. A. People's Economy of Moscow Rus' in the Second Half of the XVI century. *Dela i dni* = 'Deeds and Days' *Journal*, 1920, bk. 1, pp. 40–79. (In Russian).

4. Sarapulov A.N. South Russian Traces in the Origins of the Tillage in the Perm Region (Archaeological Evidence). *Samarskii Nauchnyi Vestnik* = *Samara Journal of Science*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 184–188. (In Russian). EDN: LRHHOD. DOI: 10.24411/2309-4370-2019-13212.

5. Kharitonov A.M. On the Geography of the Center-Regions Interaction in Ancient Rus. *Capital and Provinces: The Relationship of the Center and Regions in the History of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference with the International participation, Saint Petersburg, February 15, 2019*. Saint Petersburg, 2019, iss. 10, pp. 41–44. (In Russian). EDN: YZXLZ.

6. Ulfeld Ya. *Journey to Russia of a Danish Envoy Jacob Ulfeld in XVI Century*. Moscow, 1889. III, 61 p.

7. Seredonin S.M. *News of Englishmen about Russia in XVI Century* (Richard Chancellor, Anthony Jenkinson, John Randolph, Johann Zacharius Baus). Moscow, EE Media Publ., 2012. 112 p.

8. Dulov A.V. *Geographical Environment and the History of Russia, Late XV - XIX Centuries*. Moscow, Nauka Publ., 1983. 255 p.

9. Tarasov N.G. (ed.). *Social Studies*. Leningrad, Seyatel Publ., 1925. Vol. 2. 280 p.

10. Voeikov A.I. *Land Improvements and Their Relation to Climate and Other Natural Conditions*. Saint Petersburg, V.F. Kirshbau-
ma Publ., 1910. 27 p.

11. Rybakov B.A. *Handicraft of Ancient Russia*. Moscow, Akad-
demicheskii proekt Publ., 2016. 720 p.

12. Varkoch N. Description of the Journey to Moscow, the Ambassador of the Roman Emperor, Nicholas von Warkotsch, from July 22, 1593. In Popov A.N. (ed.). *Readings at the Imperial Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University*. Moscow, 1874, bk. 4, pp. 147–197.

13. Tishchenko A.V. Merchant Trade Records as a Historical Source. A.V. *Tishchenko. His Works. Articles about Him*. Petrograd, 1916, pp. 17–42. (In Russian).

14. Ivanov V.I. Peasant Contractors of the Russian North-West Village in the XVI Century. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii = Northwest in the agrarian history of Russia*, 2018, no. 24, pp. 18–38. (In Russian). EDN: XWFGDB.

15. Nefedov S.A. *The History of Russia. Factor Analysis*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2010. Vol. 2. 688 p.

16. Klyuchevskii V.O. *Course of Russian History*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. Vol.2. 525 p.

17. Mankov A.G. *Prices and their Changes in the Russian State of the XVI Century*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1951. 274 p.

18. Rotcheva D.S. Landowners in the Tver Half of Bezhetskaya Pyatina in the Second Half of the XV Century. *Aktual'nye issledovaniya = Current Research*, 2021, no. 28, pp. 13–21. (In Russian). EDN: TDHHQK.

19. Thunen I.H. *Der Isolierte Staat*. Rostok, 1850. 287 p. (Russ. ed.: Thunen I.H. *Isolated State*. Moscow, Ekonomicheskaya zhizn Publ., 1926. XII, 326 p.).

20. Yushin I.V. "Circles and Gradients": on the Theory of Territorial Organization of Agriculture. *Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie = RUDN Journal of Public Administration*, 2016, no. 1, pp. 58–65. (In Russian). EDN: XAYWWX.

21. Kochin G.E. *Agriculture in Russia at the end of the XIII – beginning of the XVI century*. Moscow, Nauka Publ., 1965. 462 p.

Информация об авторе

Епифанова Наталья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра региональной экономики и управления, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: nucifraga@mail.ru. 0000-0002-2014-3258; SPIN-код: 1675-1746, AuthorID: 132389.

Author

Natalya S. Epifanova — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Regional Economics and Management, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, the Russian Federation; nucifraga@mail.ru. 0000-0002-2014-3258; SPIN-Code: 1675-1746, AuthorID: 132389.

Для цитирования

Елифанова Н.С. Пространственная организация экономики России в XVI в. / Н.С. Елифанова. — DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(2).181-206 // Историко-экономические исследования. — 2023. — Т. 24, № 2. — С. 181–206.

For Citation

Epifanova N.S. Spatial Organization of Russian Economy in the XVI Century. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2023, vol. 24, no. 2, pp. 181–206. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2023.24(2).181-206.